

БЕСЕДЫ О ШЕДЕВРАХ

ЕГО ИМЯ появилось на афишах и в концертных программах в канун первой мировой войны, хотя и до того петербургские музыканты, кто с восхищением, а кто и с опаской, поглядывали в сторону этого спортивного юноши, державшего себя во всех случаях жизни независимо. Высокий, угловатый, быстрый в движениях, находивший всегда повод для насмешливой интонации, брезгливо относившийся к любым проявлениям сентиментальности, ненавидевший светскую болтовню вообще, а болтовню о музыке — лютой ненавистью, — Прокофьев меньше всего походил на композитора, на тот его облик, который издавна закрепился в обывательском воображении.

Как только зазвучала его музыка, заскрипели злобствующие перья, торопливо набрасывая строка за строкой статьи, написанные не чернилами, а желчью, повсюду на все лады двадцатилетнего композитора — «возмутителя спокойствия». Ругали его по-разному, но всегда основательно по тону и темпераменту. Ругателям все казалось мало — до того дня, когда, исчерпав арсенал печатно допустимых бранных слов, один из критиков нашел предельно оскорбительную формулировку: «Господа, это не музыкант, а футболист!» Он и не подозревал, как близко подошел своим злобным выкриком к истине, к определению одной из характерных черт прокофьевской музыки, наделенной бодростью, силой, напором, чеканностью ритма, — этакое музыкального «центра нападения».

Есть у Прокофьева фа-минорный марш, написанный в молодые годы. Сколько ни слушаю его, всегда та же ассоциация: Маяковский. Даже более точно: марш в кульминационном разделе внутренне близок «Левому маршу». Хронологически марши эти не совпадают, но по духу, мужественной четкости, по пафосу ниспровержения законов, «данных Адамом и Евой», марши родственны.

Мысленно вспоминаю портретную галерею Прокофьева, накопившуюся за десятилетия, — от детской фотографии длинноногого мальчика за пианино, на пульте которого ясно виден клавиш с надписью: «Опера «Великан» Сергея Прокофьева» — и до чудесного портрета маслом, написанного Кончаловским незадолго до смерти Сергея Сергеевича.

Я всегда с безграничным восхищением вглядываюсь в помещенную здесь фотографию. Посмотрите, какой мужественный, по-хорошему уверенный в себе, умный и решительный юноша смотрит на вас чуть насмешливыми глазами! На нем распорядительский бант. Вероятно, выпускной вечер в Консерватории. Мне всегда чудится, что сама фотография излучает задорный ритм и азарт мазурки. И самое главное, Прокофьев здесь очень похож на свою музыку, пахнущую свежестью реки, только что взломавшей лед. В нем такая чистота и ясность помыслов, так радостно звучит в нем гимн торжествующей юности, что впору ему предложить руку Наташе Ростовой и ввести ее в бальный зал...

О ПРОКОФЬЕВЕ нельзя сказать: он стал композитором. Нет, он родился композитором. Но, кроме того, ему повезло: в самые ранние годы детства он стал учиться сочинению музыки у настоящего мастера, а не просто учителя. Первым его наставником в трудном искусстве композиции был Рейнгольд Морисевич Глиэр.

И когда тринадцатилетний Сережа Прокофьев с благословенного своего юга явился «на берега Невы», чтобы поступить в Консерваторию, он произвел немалое впечатление, о чем рассказывал сам с удовольствием и задором: «Вступительный экзамен прошел довольно эффектно. Передо мной экзаменовался мужчина с бородой, принесший в качестве всего своего багажа романс без аккомпанемента. Я вошел, сгибаясь под тяжестью двух папок, в которых лежали четыре оперы, две сонаты, симфония и довольно много фортепьянных пьес. «Это мне нравится!» — сказал Римский-Корсаков, который вел экзамен».

Нужны ли Прокофьеву хрестоматийные комплименты? Студентом он был не из аккуратнейших. Посещал те занятия, которые были по душе; манкировал (а потом часто, часто каялся!) уроками Римского-Корсакова по оркестровке; в общении был ерцист... Но профессиональное отношение к музыке в нем развилось было до предела. Все, что он знал, а знал он много, было изучено, проанализировано до последней ноты.

В годы, когда многое в музы-

к — вот уж укор нашим балетным дел мастерам!

Кто не помнит мудрую сказку Андерсена о «Гадком утенке»? На нее, на прозаический текст Сергей Сергеевич написал музыку для голоса и фортепьяно. В камерном концерте, в котором Горький читал первые главы своего «Детства», Прокофьев с певичей исполнили и «Утенка». Горький радостно шумел: «А ведь это он про себя написал, про себя». Алексей Максимович почувствовал, что злобные птицы — критики клюют не гадкого утенка, а царственно прекрасную птицу — лебедя.

В предреволюционные годы Прокофьева увлекает несколько разных замыслов. И каждый интересен, и каждый значителен. В противовес расплывчатости и вялости многих явлений модернизма Прокофьев сочиняет произведение с дерзновенным названием «Классическая симфония». Это только кажущаяся дерзость. Не в похвалу себе, а в указание, каким образом следуя, написана Симфония, Прокофьев назвал ее Классической. Да, Гайдн и Моцарт, а может быть, и их итальянские собратья-современники стояли у колыбели «Классической симфонии». Как хорошо, что ее нередко играют и целиком, и особенно часто — «Гавот», одну ее часть. Вот солнечная музыка! Сколько в ней таланта, мудрости и жизнерадостности! А рядом с нею в

С. С. Прокофьев на балу в Петербургской консерватории. Январь 1908 г.

кофьева «Блудный сын», и перед нами — новый облик композитора. Уже не проницательное осмеяние человеческих слабостей и пороков, а глубокая душевная боль сопутствует музыке, рассказывающей древнюю легенду о юноше, прельстившемся суестью страстей и легко доступных радостей жизни и покинувшему ради этого отчий дом. Есть в этом балетном притче сцены поистине незабываемые, такие, как сцена горького похмелья после пира с «друзьями», ограбившими, осмеявшими его наутро после ночных клятв в вечной преданности, такие, как возвращение Блудного сына.

Путь от этого балета (тоже укор нашим балетмейстерам!) ведет к самым глубоким и значи-

тельному, Тибальдов прошло перед нами за три десятилетия, с какими разными «акцентами» произносился пластический текст, сочиненный Леонидом Лавровским: Галина Уланова — первая Джульетта, Константин Сергеев — Ромео, Андрей Лопухов — Меркуцио, Роберт Гербек — Тибальд...

И в романтической «Золушке», и в сверкающем переливами уральских самоцветов «Сказе о Каменном цветке» Прокофьев поражает тонкостью не только композиторского мышления. Он идеально знает театр, его требования, возможности, он — великий театральный композитор.

Только композитору такого масштаба таланта, мастерства, художественной культуры по плечу оказалась задача создания оперы «Война и мир». Геннальнейшая эпопея Льва Толстого не пересказана языком пения и оркестра, а как бы пересочинена, причем в первой редакции она была более совершенной, охватывая события и действующих лиц двух романов, вписанных один в другой: исторического и семейно-бытового. Образы Наташи Ростовой, Андрея Болконского, Пьера Безухова и бесконечной галереи лиц — от Наполеона до Платона Каратаева — зачатлены в музыке, поразительной и своей специфической, театральной природой.

Из семи симфоний Прокофьева каждая наделена своими, несхожими с другой чертами, но по-особенному запечатлелась последняя его, Седьмая симфония, самая юная по духу, по светлоте, жизнерадостному мироощущению.

Среди сочинений Прокофьева особое место занимает Кантата, посвященная в 1937 году 20-летию нашей революции. Величие и смелость замысла ее станут ясными, если мы только приведем литературные источники, откуда взяты тексты для Кантаты: «Коммунистический манифест», «Тезисы о Фейербахе», работа В. И. Ленина «Что делать?», Конституция Советского Союза.

Он стал одним из величайших композиторов нашей страны, продолжив то, что завещали ему великие его предшественники. Новатор каждой клеткой своего творческого организма, он страстно ненавидел самую мысль об искусстве для искусства, о «бесцельной игре звуков», как Маяковский любил называть такое пустопорожнее занятие. Вот человек, о котором можно сказать: обогатил! Да, он обогатил сокровищницу русского, советского, а следовательно, и мирового искусства музыкой, во всех жанрах равно совершенной, поваторской, смело пролагающей путь по целине, музыкой, ставшей одним из ценнейших достижений художественной культуры двадцатого столетия.

Леонид ЭНТЕЛИС,
музыкальный обозреватель
«Смены»

ВОЗМУТИТЕЛЬ
СПОКОЙСТВИЯ

ке ушло в утонченность, истому, в шепот и шорохи, в завуалированные очертания мелодии и судорожно вздрагивающие ритмы, в годы между 1905-м и 1917-м Прокофьев насыщает свою музыку размахистой, но четкой ритмикой, не столько взволнованной, сколько волевой и устремленной динамикой.

Появляется его «Скифская сюита» — симфонический вариант недописанного балета «Ала и Лоллий» (недавно Г. Алексидзе поставил Сюиту в Кировском театре). Затем последовал балет с длинным названием: «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего». Вот где развернулось скопом озорство! Так по-русски, весело, задорно, с румянцем во всю щеку звучит музыка шутовских игрищ, где-то вальнящая, повдвигая круглым девичьим плечом дочерей шутов и шутихи, где-то яркая, злущая, как посвист плетки в руках главного шутов, и вдруг неожиданно ласковая, пригорюнившаяся и тихая. Как жаль, что «Шута» у нас не ста-

те же годы Прокофьев работает над оперой «Игрок» по повести Достоевского. Здесь совсем иной мир. Здесь большие людские души, трагические судьбы, картонный азарт и смертельный ужас роковой черты. Здесь каждое спетое слово, каждая интонация взвешены на весах, на одной чаше которых — «правда», на другой — «неправда». И правда всегда перевешивает. Так и кажется, что наблюдает за чаши сам великий музыкант-правдолюбец Модест Петрович Мусоргский.

Несколько первых послереволюционных лет Прокофьев провел за границей, наезжая в Москву, Ленинград, Киев, Харьков, Одессу. За рубежом он написал оперу, сюжет которой подсказал ему В. Э. Мейерхольд и набросал для него сценарий. Речь идет об опере «Любовь к трем апельсинам», веселой, сказочной, со злобещей придворной интригой, с принцем, который никогда не улыбается, и с двумя враждующими группами врачей, из которых одна настаивает: «Принц улыбнется, когда он исцелится», а другая, занимающая принципиально иную позицию, твердит: «Принц исцелится, когда он улыбнется».

Уже в ранних опусах Прокофьева сказывается типичный для его манеры письма гротеск. И в «Апельсинах» звучит гротескное осмеяние королевства Короля Треф в противовес радости за Принца, в одном из апельсинов нашедшего очаровательную Нинетту, а с нею — улыбку, исцеление и полноту счастья.

В конце двадцатых годов возникает балетная партитура Про-

кофьева.

Дарование его имеет еще одно ценнейшее свойство — оно необыкновенно плодотворно. Не перечислить десятки и десятки сочинений Сергея Сергеевича во всех жанрах, от «высоких» до, казалось бы, малоприметных — то есть не опер, симфоний, кантат. Вот перед нами его музыка к фильму «Поручик Киже» по повелению Юрия Тынянова. Сколько остроумия и трогательности вложено композитором в эпизоды, воссоздающие атмосферу муштры, муштры во всех областях жизни павловской эпохи. Здесь и трагически веселая «Свадьба Киже», и шествие героя в Сибирь, и за душу берущая песня «Стоит сизый голубочек, стонет он и день и ночь, и многое другое — всего не перечислить. Рядом — но только так, что голову закинуть надо, чтоб взглянуть в вершины этой музыки, — фильм «Александр Невский», фильм Сергея Эйзенштейна. Русь под монгольским игом, «Ледовое побоище», «Въезд Александра Невского в город Псков» и, наконец, поразительный гимн русскому воину, гимн — призывная песня: «Вставайте, люди русские...»

В ОГРОМНОМ, трудно обозримом за один раз наследии Прокофьева одно из центральных мест занимают его балеты, в центре которых — «Ромео и Джульетта». Вот уже 30 лет не сходило со сцен всего мира это прокофьевский шедевр, поражающий силой музыкального воссоздания трагедии Шекспира. Сколько Джульетт, сколько Ромео, Мер-